

КУЛЬТУРА И КУЛЬТУРЫ В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Тихонов В.В.

DOI: 10.7256/2222-1972.2016.2.17639

При цитировании этой статьи сноска на doi обязательна

Сталинская премия как инструмент конструирования общей истории народов СССР

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению роли книг-лауреатов Сталинской премии (премии имени И.В. Сталина) в конструировании общей истории народов СССР. Показывается идеологический контекст поворота к идеологии «дружбы народов» и роли истории в ней. Автор рассматривает Сталинскую премию как «мягкую» форму идеологического контроля. Анализируются труды Б.Д. Грекова и А.Ю. Якубовского, Я.Я. Зутиса, С.В. Киселева, Б.Б. Пиотровского, Л.П. Потапова, С.П. Толстова, удостоенные премии. Подчеркивается, что именно исторический компонент играл одну из ведущих ролей в формировании советской национальной общности. Делается вывод, что для конструирования общего исторического прошлого предпочтительнее были древнейшие периоды истории народов СССР, поскольку их легче было осветить в нужном ключе. Приветствовалась демонстрация древности народов СССР, их большое влияние на мировую культуру. Особое внимание уделялось поиску примеров классовой солидарности. В прошлом была найдена и общая трагедия, объединявшая народы СССР, – нашествие монголо-татар.

Ключевые слова: Сталинская премия, советская историческая наука, идеология «дружбы народов», нациестроительство, народы СССР, идеология, пропаганда, историческая политика, сталинизм, историки.

Abstract. The article is focused on analysing the role of the book-laureates of the Stalin Prize (prize named after J. V. Stalin) in the construction of a unified history of the peoples of the USSR. The author demonstrates the ideological context of the turn towards the ideology of "the Fraternity of Peoples" and the role of history in it. The author regards the Stalin Prize as a "soft" means of ideological control. The analysed laureate books include those by B. D. Grekov and A. Y. Yakubovskiy, J. J. Zutis, S. V. Kiselev, B. B. Piotrowskiy, L. P. Potapov, and S. P. Tolstoy. The article underlines that it was precisely the historical constituent that had played one of the leading roles in the formation of the Soviet national community. The author comes to the conclusion that Ancient periods in the histories of the peoples of the USSR were favoured for the benefit of constructing a unified historical past, since these periods were easier to present in the needed light. Demonstrations of the USSR peoples' antiquity were particularly welcomed, as well as proof of their influence on world civilisation. Particular attention is paid to searches of examples of class solidarity in history. A common tragedy that unified the peoples of the USSR was also found: the Mongol-Tatar invasion.

Key words: Stalin prize, Soviet historical sciences, ideology "Fraternity of Peoples", nation building, peoples of the USSR, ideology, propaganda, history policy, Stalinism, historians.

Сталинская премия (премия имени Сталина) была учреждена в конце 1939 г. к 60-летию Иосифа Виссарионовича и стала высшей советской наградой в области науки и искусства [13]. Научные работы, удостоившиеся ее, должны были направлять развитие советской научной мысли. Не надо забывать и то, что присуждение премии имело боль-

шое идеологическое значение и носило ярко выраженный политический характер. Книги, получившие премию, как правило, образовывали достаточно отчетливую идеологическую линию. Об этом свидетельствуют и воспоминания К.М. Симонов: «Анализируя книги, которые он [Сталин – В.Т.] в разные годы поддержал, вижу существовавшую у него концепцию современ-

Работа подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 15-31-01257 (а2).

ного звучания произведения, концепцию, в конечном счете связанную с ответом на вопрос: «Нужна ли эта книга нам сейчас? Да или нет?» И всякий раз – и за произведениями, получавшими премии, и за идеями о создании произведений о чем-то или о ком-то, произведений, которые впоследствии были обречены, как правило, на премию, стояли сугубо современные политические задачи» [20, с. 179-180]. Приведенная цитата касается художественной литературы, но и к научно-историческим трудам ее можно отнести в полной мере.

Появление премии стало знаковым событием. Она стала формой «мягкого» контроля над культурной и научной жизнью Советского Союза. Лауреаты премии становились ориентиром для научных работников и представителей творческих профессий, а награждение наглядно демонстрировало, какие исследования правящий режим считает актуальным и полезным и чего ждет от других. В области литературы, искусства и гуманитарных наук идеологический прагматизм проявлялся особенно ярко. Но идеологическая актуальность обязательно должна была сочетаться с фундаментальностью трудов лауреатов. Ценились работы не являющиеся просто набором клишированных идеологем. Идейная лояльность должна была соседствовать с научным качеством. Были прецеденты, когда идеологически верные, но научно слабые работы отклонялись по причине их недостаточной основательности.

Книги-лауреаты превращались в своеобразные ориентиры для историков в реализации генеральной идеологической линии, поэтому значение премии в историографическом процессе трудно переоценить. Тем не менее в научной литературе до сих пор отсутствуют специальные исследования, посвященные анализу роли Сталинской премии в формировании концептуального облика советской исторической науки. В данной статье анализируются книги-лауреаты, являвшиеся трансляторами идеологии «дружбы народов».

Национальный вопрос являлся традиционной головной болью советской государственности. В многоэтничной стране он приобретал особую остроту. В 1920-х гг. советская национальная политика строилась на двух основных факторах: борьбе с «великорусским шовинизмом» и предоставлении этническим сообществам максимально возможной национально-культурной автономии [14]. Повороты внутренней и внеш-

ней политики конца 1920-х-начала 1930-х годов потребовали концептуального перевооружения. На смену борьбе с «великорусским шовинизмом» пришла идеология «дружбы народов». Теперь в истории необходимо было подчеркивать исторические связи между народами СССР, их культурную взаимозависимость. Не рекомендовалось выпячивать национальные антагонизмы, всячески приветствовались примеры классовой солидарности в борьбе с царизмом. Составной частью идеологии «дружбы народов» стало признание того, что русские – первые среди равных народов СССР [5, 10, 23]. Новая идеология не была четко прописана, многие положения были аморфными и могли вступать в противоречие с устоявшимися идеологическими канонами. Например, антицаристские восстания признавались прогрессивными, но поскольку нередко они проходили под антирусскими лозунгами, то нащупать грань между тем, когда классовая прогрессивность оказывалась борьбой против «великого русского народа», было порой очень сложно. Ясно, что, по задумке власти, новая идеология должна была играть на консолидацию народов СССР под лидерством русских, а не разъединять их. По мнению ряда историков, советское правительство нацелилось на конструирование на русской основе в рамках Советского Союза единой национальной общности, по примеру американской нации. История в этом процессе неизменно занимает ключевую роль [3, с. 173-180; 19, с. 324-339].

Советское руководство прекрасно понимало особое значение истории в нациестроительстве. Прошлое слишком часто становится камнем преткновения в этнических отношениях, поэтому историческая политика направлялась на формирование идеологии единства советских народов. Исходя из всего вышесказанного, книгами-лауреатами, в комбинации с другими причинами, становились те, кто способствовал конструированию общей истории народов СССР. Поощрялись труды, показывающие единство народов СССР в историческом ракурсе. Историки находили культурные и экономические связи между различными регионами Советского Союза и тем самым показывали неизбежное и исторически закономерное объединение их в единое государство.

В 1946 г. Б.Б. Пиотровский получил вторую премию за монографию «История и культура Урарту» (Ереван, 1944). Внимание к Урарту в то время было чрезвычайно высоким. Еще в школь-

ном учебнике под редакцией А.В. Шестакова писалось, что племена Урарту – это предки грузин. История СССР теперь начиналась не с Киевской Руси, а с Урарту, что значительно удревняло историю всего Союза и ставило его в ряд исторически ведущих и древнейших регионов мира. В подготовке учебника принимал участие сам Сталин, а изучение его библиотеки показало, что он испытывал особый интерес к истории древнего государства [8, с. 370-371].

В монографии Б.Б. Пиотровского было сильно влияние яфетической теории Н.Я. Марра, учеником которого он являлся. Урарту показывалось автором как сильное, высококультурное государство, являвшееся реальным соперником могущественной Ассирийской империи. Проводилась мысль об огромно влиянии культурного наследия Урарту на народы Кавказа. В то же время автор подчеркивал, что «...нельзя ни один из современных закавказских народов непосредственно выводить от урартов, считая урартов его прямыми и единственными предками» [16, с. 338]. С одной стороны, автор подчеркивал общие исторические корни кавказских народов, и тем самым реализовывал идеологему «дружбы народов». Но, с другой, он явно шел против течения, поскольку не признавал прямой связи Урарту и грузин, на чем настаивали многие влиятельные грузинские историки. По его воспоминаниям, на одной доверенной конференции академик Грузинской академии наук С.Н. Джанашия требовал у Пиотровского признать прямую родственную связь Урарту именно с грузинами [17, с. 156]. Несмотря на это, идеологов привлекала возможность при помощи работ Б.Б. Пиотровского доказать древность культуры народов СССР, их заметную роль в мировой истории.

Возможно, причиной могло стать и следующее. Исследования библиотеки Сталина показали, что он внимательно и с интересом читал учебник по истории Грузии с древнейших времен до начала XIX в., вышедший на грузинском языке в 1943 г. Эта книга при ее переиздании в 1946 г. получила Сталинскую премию второй степени. В частности, в учебнике утверждалось, что государство Урарту было основано хетто-субарскими племенами, которые назывались прямыми предками грузин [9, с. 231]. «Великому грузину» могло льстить, что предки его народа являлись основателями великого древнего государства, а мысль Пиотровского (который сам не решался напрямую связать ни один ныне существующий кавказский народ с Урарту) о том, что наследие

Урарту стало фундаментом кавказской культуры – подогревать его национальное честолюбие. В конце жизни, несмотря на все дифирамбы в сторону «великого русского народа», Джугашвили не потерял интереса к родине [9, с. 220].

По наблюдениям историка Б.С. Илизарова, Сталин однажды вполне мог и наказать Пиотровского. В библиотеке диктатора сохранился сборник, в котором была помещена статья историка об Урарту. На полях книги Сталин оставил многочисленные гневные пометки, но итоговый вывод о том, что армяне и грузины – наследники Урарту его, видимо, удовлетворил [8, с. 372-377].

В 1949 г. первую премию присудили С.П. Толстову за труд «Древний Хорезм» (1948). Работа являлась итогом многолетней деятельности Хорезмской экспедиции. Рукопись книги была защищена С.П. Толстовым в качестве докторской диссертации в 1942 г., затем доработана и вышла отдельным изданием. Монография могла получить премию еще в 1948 г.: Комитет предлагал дать книге награду первой степени, но В.М. Молотов, неизменно являвшийся членом жюри, поставил резолюцию: «На 1949 г.». Правда, тот же Молотов компенсировал свое решение в следующем году. Комиссия предлагала присудить вторую премию, но он настоял на первой [25, л. 190].

В самом начале книги автор показывает себя последовательным сторонником концепции В.В. Струве о рабовладельческом характере древневосточного общества: «Автор настоящей работы вынужден был убедиться, что существовавшая в литературе трактовка социально-экономического строя домусульманского периода, как сложившегося феодального строя – не верна и в сущности ни на чем не основана. Напротив, письменные источники с несомненностью сигнализировали наличие многих черт, свойственных рабовладельческому строю» [21, с. 7]. С его точки зрения, и древний Хорезм – это рабовладельческое общество. Соблюдая чистоту формационной теории в том виде, в котором она была одобрена властью, историк стремился показать политическое и военное могущество Хорезма, называя его «плацдармом борьбы за независимость среднеазиатских народов» [21, с. 342].

Но, очевидно, особенно членам комиссии пришлось по вкусу рассуждения Толстова о единой исторической судьбе древнего среднеазиатского государства (ставшего историческим фундаментом для среднеазиатских народов и государств) и остальных частей СССР. «Так

приобретает контуры древняя история нашей родины. Она выступает пред нами не как совокупность изолированных, спонтанных местных процессов, лишь случайными стихийными связями воздействовавших друг на друга, а как единый процесс, находивший свое выражение в образовании единой, могучей системы скифо-массагетских позднее-эллинистических государств, управлявшихся ветвями одной династии сиявущидов... Боспор и Иберия, Армения и Парфия, Кангха-Хорезм и Индоскифская империя великих кушанов – вот тот консолидировавшийся к началу нашей эры политический каркас, вокруг которого шла группировка далеких и близких племен Великой Скифии, во многом подготовившая процессы консолидации огромной территории нашей страны в средние века» [21, с. 342], – писал автор.

Блестящее развитие среднеазиатских государств было прервано нашествием монголов. И в этом автор находит единую историческую судьбу народов Советского Союза: «Эта катастрофа, пронесшаяся и над другими странами нашей родины, одновременно со Средней Азией переживавшими полосу хозяйственного, политического и культурного подъема, – над Владимиро-Суздальской Русью, над Болгарами, над цветущей Грузией Тамары, снова роднит эти страны, связывая их общей судьбой, единой героической миссией спасения европейской цивилизации от монгольского варварства» [21, с. 344].

Заканчивалась книга в духе утверждения политики «дружбы народов», где русские – первые среди равных народов СССР: «Русский народ, возглавивший победоносную борьбу народов России против феодально-капиталистического и национального гнета... Сторицей отплатил исторический долг народов Европы перед народами Востока, которым народы Европы столь многим обязаны в развитии своей культуры...» [21, с. 345].

Конечно же, достоинствами исследования были не только идеологически верные пассажи. В современной исторической науке книга признается классической, хотя многое в ней и не выдержало проверку временем [15, с. 471-474]. Тем не менее, очевидно, что грамотно расставленные автором идеологические акценты, пришли жюри по душе.

В схожем ключе был написан труд археолога С.В. Киселева «Древняя история Южной Сибири» (Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 9. М.-Л., 1949). Первоначаль-

но Комитет рекомендовал присудить первую премию, но Молотов настоял на второй [26, л. 36-37]. Ключевой мыслью автора была уже неоднократно описанная концепция культурно-исторического единства регионов СССР, что предопределило их объединение в одно государство. «Уже при изучении бронзовых культур Южной Сибири обнаружили значительные черты сходства, сближающие их с культурами бронзового века других частей СССР – Прибайкалья, Западной Сибири, Средней Азии, Урала, Кавказа и Причерноморья, Украины и Волго-Окского междуречья» [12, с. 360], – писал С.В. Киселев.

Но сталинский лауреат не смог почить на лаврах. В 1950 г., на следующий год, состоялась широкомасштабная кампания против марризма [1, 8, 22]. Киселев, как и очень многие советские археологи, писал свои работы под сильным влиянием теорий Н.Я. Марра. Отчетливо это прослеживалось и в книге «Древняя история Южной Сибири». На заседаниях, посвященных разоблачению марристов, на Киселева неоднократно обрушивались с критикой [2].

Поэтому при переиздании монографии автор внес множество поправок. Во введении к новому изданию Киселев прямо писал, что переработанное переиздание вызвано необходимостью рассмотреть книгу в свете работ Сталина по вопросам языкознания. Далее автор всячески пытался уверить читателей, что никогда собственноручно марристом он не был, а сама книга изначально была написана вразрез с теориями Марра, он только вынужден был использовать марристский понятийный аппарат.

Идеологической новацией был отказ во втором издании от термина «варварские государства» (который, как казалось, умаляет их развитие по отношению к «цивилизованным» странам) применительно к древнетюркскому и кыргызскому государствам. Добиваясь еще большего эффекта синхронизации истории народов СССР, утверждалось: «Вместе с тем выяснилось большое сходство во внутреннем состоянии и направлении социально-экономического развития древних государств Южной Сибири и Центральной Азии с тем состоянием и направлением развития, которыми И.В. Сталин, А.А. Жданов и С.М. Киров характеризовали дофеодальный период в истории Руси и ряда других народов. Эти народы развивались в обстановке, слагавшейся после крушения крупнейших центров рабовладельческого строя – Рима и Восточно-Римской империи и миновали ра-

бовладельческий строй» [11, с. 4]. И так, вкуче с монографией Б.Д. Грекова «Киевская Русь» книга Киселева должна была выполнять функцию утверждения феодальной концепции применительно к истории народов СССР.

Совершенно, на первый взгляд, нелогичным выглядело запоздалое, в 1950-м г., присуждение премии книге Я.Я. Зутиса «Остзейский вопрос в XVIII веке», вышедшей на русском языке в Риге еще в 1946 г. Напомним, что награды вручали как правило за работы, законченные или опубликованные в предыдущем году. Столь запоздалое признание объясняется следующим. Первоначально на премию выдвигались сразу две книги автора, уже упомянутый «Остзейский вопрос» и «Очерки по историографии Латвии. Часть 1, Прибалтийско-немецкая историография», которая вышла в 1949 г., то есть была совсем свежей. Но при принятии итогового решения монографию по историографии почему-то решили убрать [26, л. 39]. Очевидно, что идеологические соображения при присуждении премии имели определяющее значение и отмеченная выше формальная нелогичность факта присуждения вполне объяснима.

Немного биографии автора. Ян Яковлевич Зутис (1893-1962), латыш по происхождению, сделал карьеру в Советской России. Сразу после войны он был назначен в Латвийский университет, очевидно, что его миссия заключалась в советизации местной исторической науки. В 1950 г. в советской науке произошло, помимо языковедческой дискуссии, еще одно знаменательное событие. Настоящей сенсацией стало решение об ошибочном присуждении Сталинской премии азербайджанцу Г. Гусейнову за книгу «Из истории общественной и философской мысли в Азербайджане в XIX в.», награжденной в марте 1950 г. Официальной причиной стало то, что в книге неправильно, как прогрессивное, трактуется движение Шамиля. Критика лидера антироссийского движения горцев, чей культ процветал на Северном Кавказе в советское время, была обусловлена тем, что его фигура противоречила насаждаемому мифу о вековой дружбе народов, вошедших в СССР [23, pp. 130-147]. В контексте данного поворота в исторической политике тенденции, связанные с обоснованием исторических связей народов СССР друг с другом (особенно с русскими), только усилились.

В самом начале своей монографии Я.Я. Зутис без раскочки бросается в бой против буржуазных историков Латвии. Он упрекает их в

том, что «буржуазно-националистическая историография в поисках национальной самобытности сознательно игнорировала вековые связи народов Прибалтики с русским народом...» [7, с. 3]. Автор обвинял своих предшественников в потакании германофильской трактовке местной истории и разыгрывании антирусской карты: «Мужественная и самоотверженная борьба [против немецких феодалов] младолатышей и младоэстов в прошлом столетии была объявлена политической ошибкой главным образом потому, что в борьбе с пережитками крепостничества и другими привилегиями немецких баронов они ориентировались на русскую общественность и на русских народ...» [7, с. 4]. Этой историографии автор противопоставил подход, по которому история Прибалтики рассматривалась в контексте истории народов СССР.

В вопросе о т.н. остзейских привилегиях (то есть особых правах местного немецкого по происхождению рыцарства и местной автономии) Зутис видел самое большое зло прибалтийской истории. Только после перехода края под власть России начались улучшения в жизни местного крестьянства: «Сравнения показывают, что латышские и эстонские крепостные крестьяне только выиграли, оказавшись под властью сильного правительства... В результате перехода Прибалтики под власть России создались условия, благоприятные для сохранения длительного мира для латышских и эстонских народов, территория которых в продолжение многих веков являлись ареной кровопролитных войн между соседними державами» [7, с. 627-630].

Автор акцентировано указывал на прогрессивность русской политики в Прибалтике. Как он доказывал, в XVIII в. были заложены основы экономической интеграции региона с остальными частями Российской империи. В этой связи автономия Прибалтийских губерний и привилегии местного дворянства он называет «анахронизмом» и приветствует их отмену [7, с. 631].

Антинемецкий пафос книги очевиден. Красной нитью проходит мысль об исторической связи Прибалтики, ее передовых общественных деятелей и России. Подчеркивается экономическая интегрированность региона в общий рынок Российской империи, что служит недвусмысленным намеком на будущее органичное вхождение Прибалтийских республик в экономическую систему СССР. Таким образом, книга выполняла функцию «советизации» прибалтийской исторической науки. Не случайно,

что ее автор в 1953 г. был избран членом-корреспондентом АН СССР.

Тема революционных связей Латвии и России была акцентирована монографией Я.П. Крастынь, получившего в 1953 г. третью премию за труд на латышском языке «Революция в 1905 году в Латвии» (Рига, 1950). Ее автором был активный большевик, выпускник Института красной профессуры. В нем излагалась история Первой русской революции в Латвии. Автор уделил значительное внимание рассмотрению борьбы местных большевиков с различными «уклонами» в Латвийской социал-демократической рабочей партии. Основной концепцией работы стала идея о том, что революционные события в Латвии – это часть общероссийских событий, а местные революционеры являлись составной частью антицаристского большевистского фронта. Отметим, что книга продолжила линию на историко-культурное «присоединение» Прибалтики, заложенную монографией Зутиса. В ней обосновывалась неразрывная связь латышского и русского революционного движения. В 1951 г. автор был выбран действительным членом Академии наук Латвийской ССР. В 1952 г. монография вышла на русском языке.

В 1951 г. вторую премию присудили Л.П. Потапову, заместителю директора ИЭМН имени Н. Н. Миклухо-Маклая, за научный труд «Очерки по истории алтайцев» (Новосибирск, 1948). Это историко-этнографическое исследование должно было свидетельствовать об успешности советской (сталинской) национальной политики: «Ленинско-сталинская национальная политика вывела алтайцев из состояния нищеты, невежества и бесправия на путь социалистического переустройства жизни» [18, с. 3]. Историческое развитие алтайского народа было представлено Потаповым в рамках формационной теории.

Автор указывал на то, что алтайские племена являлись активными участниками складывания «широко распространенной древней цивилизации кочевников, получившей название скифо-сарматской» [18, с. 94]. Тем самым проводилась мысль об историческом фундаменте единства территории Советского Союза. Подчеркивалось понижение жизненного уровня алтайцев в годы их пребывания в составе монгольской империи, что объяснялось разорительной политикой ханов [18, с. 130]. Иначе оценивается вхождение в состав России. И хотя признавался колониальный гнет, тем не менее акцентировалось, что «только вхождение алтайцев в

состав русского государства было для них исторически перспективным событием, выходом из того исключительно тяжелого положения, в котором они оказались в результате многовекового господства монголов» [18, с. 187]. Таким образом, это было явление прогрессивное. Исследователь специально показывал примеры положительного влияния русской администрации и колонистов на алтайцев, и при этом указывал на то, что и русские кое-чему научились у местных жителей. Отделяя «великий русский народ» от классов чуждой царской администрации, Потапов писал, утверждая на историческом материале идеологему «дружбы народов»: «Таким образом, можно утверждать, что не насильственная русификация алтайцев, а свободное общение их с русским народом принесло им значительные успехи в культурном развитии» [18, с. 442].

Потапов проводил мысль о развитии самосознания трудящихся-алтайцев, которые видели угнетателей не только в царской администрации, но и в богатых соплеменников. По его мнению, в начале XX в. в среде алтайцев росло классовое сознание.

Заключительная глава была посвящена алтайцам в советскую эпоху. Подчеркивались экономические, социальные и культурные достижения. «В этом проявилась исключительная жизнеспособность и плодотворность советского государственного строя в применении даже к таким племенам и народам, которые еще недавно находились на ранних ступенях общественного развития» [18, с. 504].

Возможно, что помимо концепции «национального оптимизма» в СССР в присуждении премии сыграло и то, что в книге Потапова нет (во всяком случае, явных) марристских концепций. В годы разгрома учения Марра это должно было сыграть роль: необходимо было поощрить ученого, предложившего «марксистское», немарристское этно-историческое исследование. Второе издание увидело свет в 1953 г. Во введении автор подчеркивал, что новые «выдающиеся» труды Сталина, позволили уточнить многие положения.

Еще одну тему, проходящую красной нитью через многие исследования-лауреаты, стоит выделить отдельно. Речь идет о татаро-монгольском нашествии и его роли в истории народов СССР. В целом ряде книг нашествие рассматривалось не просто как рубежная черта в истории Евразии, но и как пример не имевшей прецедента в мировой истории катастрофы, сплотившей

будущие регионы страны Советов. Мужественное сопротивление нашествию всячески подчеркивалось, показывались катастрофические последствия. Аналогии в современности долго искать не приходится. Очевидно, что нашествие монголов рассматривалось как прообраз нашествия нацистов, а его последствия должны были показать то, что ждало бы СССР в случае победы Германии. На контрасте победившего Советского Союза и поработанной Руси демонстрировались и достижения нового социально-политического строя. Важно отметить, что здесь были использованы образы еще имперской пропаганды времен Первой мировой войны, когда немцев называли «Чингисханом с телеграфом». Нашествием монголов оправдывалось и отставание России от передовых стран Западной Европы. Любили повторять и упрек к неблагодарности Европы по отношению к России, спасшей ее от монгольского кошмара.

Наглядно эта концепция была продемонстрирована в совместной книге Б.Д. Грекова и А.Ю. Якубовского «Золотая Орда и ее падение» (вторая премия в 1952 г.). Книгу предваряли эпиграфы из А.С. Пушкина: «России определено было высокое предназначение: ее необозримые равнины поглотили силу монголов и остановили их нашествие на самом краю Европы; варвары не осмелились оставить у себя в тылу поработанную Русь и возвратились в степи своего Востока...» и «Европа в отношении к России всегда была столь же невежественна, как и неблагодарна». Таким образом, с первых страниц утверждалось две вещи: разрушительные последствия татаро-монгольского нашествия для Руси и ее миссия спасительницы Европы. Очевидно, что предложенный образ напрямую отсылал к недавней войне, где Советский Союз принял главный удар Германии, а «неблагодарная Европа» (читай – Запад) быстро это забыла.

Золотая Орда представлена авторами как паразитирующее государственное образование, существующее только благодаря насилию. Но она не смогла сломить прогрессивного развития русских княжеств. «Более того, Русь находила в себе силы не только обороняться от татар, но и наносить Золотой Орде удары, которые подрывали ее военную мощь. В этом прогрессивном развитии России в XIV-XV вв., в росте ее сельскохозяйственной и городской жизни, в развитии ремесел и политического сознания, в росте ее духовных творческих сил, наконец в любви к родине и независимости, а также в неустанном

ее сопротивлении и лежит главная причина падения Золотой Орды» [6, с. 13]. Другим центром борьбы с Золотой Ордой являлось государство Тимура. Здесь авторы отдали дань набирающему силу культивированию среднеазиатского завоевателя, а также концепции исторического единства народов СССР.

Предложенная книга, видимо, привлекла жюри по нескольким причинам: во-первых, концепцией нашествия татаро-монголов как события, прервавшего блестящее развитие Древней Руси, и ставшего главным тормозом в русской истории; во-вторых, коннотациями со сложившейся внешнеполитической ситуацией. Все же с монографией едва не случился скандал. Бдительный Отдел науки и высших ученых заведений Отдела пропаганды и агитации при ЦК ВКП (б), возглавляемый Ю.А. Ждановым, обнаружил в книге серьезные недостатки. Особенно неудовлетворительными были признаны главы, написанные А.Ю. Якубовским. По мнению авторов записки, поданной лично Сталину, «политическая история Золотой орды в книге излагается вне связи с историей борьбы русского народа против татаро-монгольского ига, затушевывается роль русского народа в спасении Западной Европы от монгольского нашествия. Неправильно освещаются причины распада Золотой орды. Автор утверждает, что Золотая орда пала не в результате поражений, понесенных в борьбе с русскими, а в результате муждусобной борьбы ханов» [24, л. 9]. Мало внимания авторы уделили и Куликовской битве. После таких обвинений перепуганный Б.Д. Греков попросил снять свою кандидатуру с соискателей премии.

Тем не менее, награду книга получила. Видимо, ее идеологические достоинства пересилили недостатки, а вышестоящие арбитры не согласились с мнением сотрудников Отдела. Особый акцент на негативные последствия монгольского нашествия, видимо, был связан и с актуализацией такой трактовки в условиях складывания тесных отношений с Китаем, где в 1949 г. к власти пришла коммунистическая партия. Негативизм в оценке роли монголов в истории – традиционная черта китайского исторического нарратива.

Книги, получившие Сталинскую премию, не только отражали идеологию «дружбы народов», но и являлись ее проводником. Их авторы (в том числе и благодаря присуждению премии) занимали ключевые научные и административные позиции в науке. Книги становились научным источником для обобщающих трудов и

школьных учебников. Любопытно отметить, что среди монографий, где проводилась бы идеология «дружбы народов», нельзя найти посвященных советскому периоду. С определенными оговорками сюда можно причислить только монографию Л.П. Потапова. Хотя, казалось бы, именно исследования по истории СССР должны демонстрировать успехи советского национального проекта. Объяснить это можно несколькими причинами. Во-первых, монографий по советской истории публиковалось крайне мало. Это было попросту опасно из-за непредсказуемости идеологических поворотов, и специалисты по советскому периоду предпочитали не рисковать, теряя время в бесконечных обсуждениях статей и разделов коллективных трудов. К тому же самые квалифицированные кадры были сосредоточены в изучении досоветских периодов. Во-вторых, именно древнейшие периоды

являются важнейшим элементом исторической мифологии, на которой строится этническое самосознание. Их перекодировка становится обязательным условием конструирования национальной общности.

Необходимо подчеркнуть, что в прошлом была найдена и общая трагедия – нашествие монголов. Она становилась не менее важным элементом конструирования единого национального пространства [О роли жертвенной и героической памяти в обществе и нациестроительстве см.: 4, с. 35-38, 65, 66], чем универсальные формационные скрепы или культурные связи. Дело в том, что империя монголов, раскинувшаяся на 2/3 евразийского континента и включавшая всю территорию будущего Советского Союза, невольно становилась консолидирующим пространством, пусть и в формате общей борьбы с захватчиками.

Библиография:

1. Алпатов В.М. История одного мифа. Марр и марризм. М., 1991. 2-е изд. 2004. – 288 с.
2. Алымов С. Космополитизм, марризм и прочие «грехи»: отечественные этнографы и археологи на рубеже 1940–1950-х годов // <http://polit.ru/article/2009/08/26/alyumov/> (дата обращения – 06.06.2015).
3. Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. – 288 с.
4. Асман Ал. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М., 2014. – 328 с.
5. Бранденбергер Д.Л. Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931-1956). СПб., 2009. – 416 с.
6. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.-Л., 1950. – 505 с.
7. Зутис Я.Я. Остзейский вопрос в XVIII веке. Рига, 1946. – 647 с.
8. Илизаров Б.С. Почетный академик Сталин и академик Марр. М., 2012. – 432 с.
9. Илизаров Б.С. Тайная жизнь Сталина. По материалам его библиотеки и архива. К историософии сталинизма. 4-е изд. М., 2012. – 496 с.
10. Кадио Ж. Лаборатория империи: Россия / СССР, 1860-1940. М., 2010. – 336 с.
11. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. 2-е изд. М., 1951. – 643 с.
12. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири // Материалы и исследования по археологии СССР. № 9. М.-Л., 1949. – 364 с.
13. Максакова О.С. Из истории о дипломе, удостоверении и Почетном знаке лауреата Сталинской премии // <http://www.rgantd-samara.ru/activity/articles/4909> (дата обращения-04.10.2014)
14. Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923-1939. М., 2011. – 666 с.
15. Неразлик Е.Е. Сергей Павлович Толстов // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 4. Новая и новейшая история. М., 2004. С. 471-474.
16. Пиотровский Б.Б. История и культура Урарту. Ереван, 1944. – XII, 364 с.
17. Пиотровский Б.Б. Страницы моей жизни. СПб., 1995. – 288 с.
18. Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев. Новосибирск, 1948. – 506 с.
19. Савельева И.М., Полетаев А.В. Национальная история и национализм // Неклассическое наследие. Андрей Полетаев. М., 2011. С. 324-339.
20. Симонов К.М. Глазами человека моего поколения. Размышления о И.В. Сталине. М., 1990. – 431 с.
21. Толстов С.П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М., 1948. – 357 с.
22. Pollock E. Stalin and the Soviet Science Wars. Princeton-Oxford, 2006. – 269 p.
23. Tillett L. The Great Friendship: Soviet Historians on the Non-Russian Nationalities. Chapel-Hill, 1969. – X, 468 p.
24. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 133. Д. 207.
25. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 82. Оп. 2. Д. 463.
26. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 82. Оп. 2. Д. 465.
27. Тихонов В.В. «...Забить последний гвоздь в крышку политического гроба Исаака Минца и его прихвостней»: разгром «группы» историка И.И. Минца в годы идеологических кампаний «позднего сталинизма» // Genesis: исторические исследования. – 2013. – 2. – С. 1 – 28. DOI: 10.7256/2409-868X.2013.2.701. URL: http://www.e-notabene.ru/hr/article_701.html

References (transliterated):

1. Alpatov V.M. Istoriya odnogo mifa. Marr i marrizm. M., 1991. 2-e izd. 2004. – 288 s.
2. Alymov S. Kosmopolitizm, marrizm i prochie «grekhi»: otechestvennyye etnografy i arkhologii na rubezhe 1940–1950-kh godov // <http://polit.ru/article/2009/08/26/alymov/> (data obrashcheniya – 06.06.2015).
3. Anderson B. Voobrazhaemye soobshchestva: Razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma. M., 2001. – 288 s.
4. Assman Al. Dlinnaya ten' proshlogo: Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika. M., 2014. – 328 s.
5. Brandenberger D.L. Natsional-bol'shevizm. Stalinskaya massovaya kul'tura i formirovanie russkogo natsional'nogo samosoznaniya (1931-1956). SPb., 2009. – 416 s.
6. Grekov B.D., Yakubovskii A.Yu. Zolotaya Orda i ee padenie. M.-L., 1950. – 505 s.
7. Zutis Ya.Ya. Ostzeiskii vopros v XVIII veke. Riga, 1946. – 647 s.
8. Ilizarov B.S. Pochetnyi akademik Stalin i akademik Marr. M., 2012. – 432 s.
9. Ilizarov B.S. Tainaya zhizn' Stalina. Po materialam ego biblioteki i arkhiva. K istoriosofii stalinizma. 4-e izd. M., 2012. – 496 s.
10. Kadio Zh. Laboratoriya imperii: Rossiya / SSSR, 1860-1940. M., 2010. – 336 s.
11. Kiselev S.V. Drevnyaya istoriya Yuzhnoi Sibiri. 2-e izd. M., 1951. – 643 s.
12. Kiselev S.V. Drevnyaya istoriya Yuzhnoi Sibiri // Materialy i issledovaniya po arkhologii SSSR. № 9. M.-L., 1949. – 364 s.
13. Maksakova O.S. Iz istorii o diplome, udostoverenii i Pochetnom znake laureata Stalinskoi premii // <http://www.rgand-samara.ru/activity/articles/4909> (data obrashcheniya-04.10.2014)
14. Martin T. Imperiya «polozhitel'noi deyatelnosti». Natsii i natsionalizm v SSSR, 1923-1939. M., 2011. – 666 s.
15. Nerazlik E.E. Sergei Pavlovich Tolstov // Portrety istorikov. Vremya i sud'by. T. 4. Novaya i noveishaya istoriya. M., 2004. S. 471-474.
16. Piotrovskii B.B. Istoriya i kul'tura Urartu. Erevan, 1944. – XII, 364 s.
17. Piotrovskii B.B. Stranitsy moei zhizni. SPb., 1995. – 288 s.
18. Potapov L.P. Ocherki po istorii altaitsev. Novosibirsk, 1948. – 506 s.
19. Savel'eva I.M., Poletaev A.V. Natsional'naya istoriya i natsionalizm // Neklassicheskoe nasledie. Andrei Poletaev. M., 2011. S. 324-339.
20. Simonov K.M. Glazami cheloveka moego pokoleniya. Razmyshleniya o I.V. Staline. M., 1990. – 431 s.
21. Tolstov S.P. Drevnii Khorezm. Opyt istoriko-arkheologicheskogo issledovaniya. M., 1948. – 357 s.
22. Polock E. Stalin and the Soviet Science Wars. Princeton-Oxford, 2006. – 269 p.
23. Tillett L. The Great Friendship: Soviet Historians on the Non-Russian Nationalities. Chapel-Hill, 1969. – X, 468 p.
24. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii. F. 17. Op. 133. D. 207.
25. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii. F. 82. Op. 2. D. 463.
26. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii. F. 82. Op. 2. D. 465.
27. Tikhonov V.V. «...Zabit' poslednii gvozd' v kryshku politicheskogo groba Isaaka Mintsy i ego prikhvostnei»: razgrom «gruppy» istorika I.I. Mintsy v gody ideologicheskikh kampanii «pozdnego stalinizma» // Genesis: istoricheskie issledovaniya. – 2013. – 2. – C. 1 – 28. DOI: 10.7256/2409-868X.2013.2.701. URL: http://www.e-notabene.ru/hr/article_701.html